

Эдуард Мустафин

ЛЕГКО УМЕРЕТЬ
НЕ ДАМ...

Записки поюзанного врача – 2

Эдуард Мустафин

Легко умереть не дам...
Записки поюзанного врача – 2

«Издательские решения»

Мустафин Э. Р.

Легко умереть не дам... Записки поюзанного врача – 2 /
Э. Р. Мустафин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964961-4

Человек любит приобщаться к таинству сокрытого от постороннего взгляда. У меня есть сокрытое от постороннего взгляда про зону, где нет больных и здоровых, а есть только живые и мертвые, и которая если и не калечит, то накладывает свой отпечаток на всех, кто в ней побывал. Я пробыл в ней слишком долго. Добегаю дистанцию побелевшим старым волком, знающим, что рано или поздно промахнусь, и тогда придут честолюбивые дублеры и, может быть, сыграют лучше тебя. Может быть... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-964961-4

© Мустафин Э. Р.
© Издательские решения

Содержание

Интродукция	6
О выборе...	6
Часть первая: Не проси милости у природы, и ты будешь спасен...	7
Типа предисловие	7
Глава первая. Героическая!	8
Глава вторая. Рутинная	11
Глава третья. Бытописательская	13
Глава четвертая. Последняя в части	16
Часть вторая: о различных видах отваги на пожаре	17
Глава первая. Об отваге военной	17
Глава вторая. Об отваге реанимационной	20
Глава третья. Об отваге акушерской	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Легко умереть не дам...

Записки поюзанного врача – 2

Эдуард Рубинович Мустафин

© Эдуард Рубинович Мустафин, 2019

ISBN 978-5-4496-4961-4 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-4962-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Интродукция

О выборе...

«Гуд бай, мой мальчик, гуд бай, мой миленький» (с)

«Не нравится – уходите» (с)

«Бобик сдох» (с)

«Я устал, я ухожу» (с)

Эпиграф выбирайте сами, кому какой нравится. Я ухожу из государственной медицины, и надеюсь, что насовсем. Всё. Выбор сделан. Дело не в деньгах, которые с недавнего времени стали платить неплохо, правда далеко не на ставку и в виде премий, которые сегодня есть, а завтра... тут я не принципиально много выиграю, во всяком случае, на первых порах. Дело не в физической и не в эмоциональной усталости. А прежде всего дело в правилах игры. Если говорят, что играем в футбол, а потом дают дынеобразный мяч от регби и разрешают брать его руками... Без меня. Думаю, что не самая большая проблема, если вы останетесь без неплохого (действительно неплохого, хотя и злого, с удовольствием пьющего и сильно курящего) анестезиолога, читающего много и не по-русски по специальности (Частная Онкологическая Клиника в части касающейся, уж поверьте, будет хороша), но... Теперь без меня. Я по-честному буду оказывать медицинские услуги, насколько уплачено. От сих до сих. Больше не будет для вас, господа, спизже... э-э-э... перераспределенных медикаментов или расходных материалов из одной больницы в другую и давно нигде не учитываемых прямых (то есть из меня в кровящего пациента) переливаний крови. Все хорошие книги в бумаге (а они у меня хорошие) подарю оставшемуся молодняку. Не могу сказать, что страшно – я уже давно мало чего боюсь, и меня хорошо учили уходить в неизвестность, не оглядываясь. Просто... просто смурно. Тридцать лет врачебного стажа, из них двадцать восемь – год за полтора. Один год из оставшихся двух шел за два по указу Горбачева. Два года учебы в военно-медицинском ВУЗе, считавшейся срочной медицинской службой и идущей в стаж. Плюс год санитаром и год медбратом в гражданском институте. Итого: я начал работать в государственной медицине за год до рождения. Пенсия по выслуге на данный момент 13 900. К сожалению, медицина – это та наука, в которой учатся на своих ошибках и есть ощущение, что я их все сделал. «Не нравится – уходите» (с) Мне этот эпиграф нравится больше всего. Постараюсь удержаться подольше на оставшемся пике формы. Постараюсь не научиться бояться. Постараюсь не разучиться смеяться...

Часть первая: Не проси милости у природы, и ты будешь спасен...

Типа предисловие

Памяти усопшего в процессе оптимизации роддомика и его коллектива посвящается эта песня

«Красная ракета и до пола газ мы не видим света, свет не видит нас» (М. Калинин.)

«В действительности всё не так, как на самом деле» С.Е.Лец

Я тут надясь новый литературный стиль изобрел. Солипсистско-эротическое фэнтези. Потому что... э-э-э... если признать описуемое (или описуемое?) объективной реальностью, данной нам в ощущениях, то выйдет клевета на пресс-релизы минздравов различных уровней. Ведь у нас, как написал американский нобелевский лауреат по литературе Синклер Льюис (однажды продавший сюжет романа маскулинному Джеку Лондону и купивший на эти деньги пальто), «It Can't Happen Here», что в переводе на русский устный означает «У нас это невозможно», а значит, может быть расценено как клевета на окружающую действительность. Посему напоминаю – все события выдуманы, а совпадения с реально существующими людьми случайны.

P.S. Кстати, произведение Льюиса посвящено конкуренту Ф. Д. Рузвельта на выборах 1936 года Х. П. Лонгу (красивые инициалы, между прочим). Ему же посвящен роман другого, менее оцененного американского писателя Роберта Пенна Уоррена «All the King's Men», что в переводе на русский устный означает «Вся королевская рать».

Глава первая. Героическая!

Жизнь (или судьба) часто подает сигналы о предстоящем ущемлении геморроидальных узлов (в плохом смысле этого словосочетания), но мы их не слышим. Хотя если бы и услышали, то не менее часто это уже ничего не меняет и остается только широко улыбнуться, оскалив желтые от частого курения зубы, расстрельному взводу. Первый звонок блякнул, когда я, молча никого не трогал и переводил занятную книжку про кризисный менеджмент в анестезиологии. За переводы взялся, когда понял, что делом надо заниматься, а не резвиться на интернет-просторах, иначе пара шагов осталась до мутации в народного блогера. Потому что блогер – существо, видимо, отчасти необходимое, раз природа допускает его существование, но в моей личной шкале социальной полезности оно располагается как раз позади (в хорошем смысле этого слова) заслуженных организаторов здравоохранения и народных целителей. Хотя следует заметить, что в плане медийной известности народные блогеры стоят как раз-таки спереди (в хорошем смысле этого слова) вышепоименованных персонажей. Итак, первый звонок... Лежал я в своей камере и переводил, периодически залезая в словарь, когда услышал тревожные шаги за дверью. Но не заволновался. Ветераны броуновского движения, знаете ли, путем проб и ошибок уже умеют отличать просто тревожные шаги от тревожных шагов, касающихся их лично. Затем стук и сразу открывание двери, не дожидаясь моего традиционного «Не заперто!»: – Романыч, привет! У тебя какая группа... – это педиатры. Значит фигня какая-то, раз корова дойная понадобилась.

– Привет, Бэла... Третья плюс. Или забыла? – а забывать-то ей не с чего, месяца три назад для поганца мелкого сдавал. – Знаешь же, что только педиатров на хрен с такими вопросами не посылаю. Бэла довольно улыбалась. Да, кстати, широкой общественности пора начать возмущаться. Почему это я не желаю кровь для больных сдавать? Поэтому отвечаю сразу – анаста... э-э-э... звиздело, чего бы мне не говорили клятва какого-то Гиппократы и социальная реклама донорства. Идите в жопу, граждане осуждающие. У меня в трудовом договоре эта обязанность не оговорена. И еще, о кровососах и кровосдаче – кто из осуждающих и сколько раз был на станции переливания крови? Вряд ли ответят точно, хотя я про себя точно тоже не отвечаю. Где-то к тридцатому разу считать бросил. Но и после тридцатого примерно столько же. Один раз случилось литр за неделю сдать, но это вредно – потом с двух рюмок в говно окосел на дне рождения дочери. А там еще столько алкоголя оставалось... Поэтому больше сдавать не хочу и не буду, только детям и только если больше некому. И еще нюанс. Значительной части этих, хрен знает сколько, кровосдач не было. Потому что прямые переливания крови у нас запрещены приказом, вплоть до лишения всего, чего можно, включая выступающие части тела. Между прочим, из эпидемиологических соображений. Возражения, что до какого-нибудь сифилиса или гепатита терпите (мой вклад в мировую филологию – дословный перевод слова «patient» с английского) еще дожить надо в расчет не принимаются. Хотя ничего лучше теплой крови с растворенными в ней продуктами свертывания и транспорта кислорода, а также метаболитами того что я съел, выпил и возлюбил ни природой, ни человеком не придумано. Несмотря на рекламные вопли журналистов времен перестройки и свидетелей времен Иеговы¹. Кстати, запрещено это дело во всем мире. Но не кладут, а прямо-таки ложат на это запрещение только у нас. И не пишут. А того, что не написано – не было. И не хрен переживать. Ну а если отвлечься на сифилис – то припоминаю превентивное лечение, когда вся бригада на перфоративной язве у сифилитика в крови уделалась. Две недели сидеть не могли. Потому что все это превентивное лечение состояло всего в одном уколе. Только раствор был киселеобразной консистенции, что дарило незабываемые впечатления как при его введении, так и после оногo.

¹ Деятельность организации «Свидетели Иеговы» запрещена в РФ

Второй звонок был по телефону. Пацаны знакомые желали проконсультироваться. Не желают эти врачи-вредители нашей местной профессуре звонить, хотя у нас этих докторов наук нонеча как вшей на бомжике. Ну а что, я проконсультировал, мне не жалко. Про переливание крови, именуемое мудреным словом «гемотрансфузия» (между прочим, красивое женское имя, нет?) в консультации тоже было... А вот само событие, звоночки о котором, как выяснилось, были, произошло не в пятницу, и не тринадцатого. А совсем наоборот. Чего бы на подходе к работе не порадовать товарищей близостью конца? В смысле конца трудового дня.

– Петрович, ты там манатки собирай. Я подхожу.

– А я тебя в операционной жду, – это радостно. Потому что все происходящее в операционной – оно теперь мое. И вопросительно-утверждающе – У тебя ведь третья положительная? Тебя ждут.

Ну да, ну да. Родина слышит, Родина знает, как ее сын в облаках пролетает. И даже группу крови помнит. Особенно ежели ее сын не просто раздолбай, а ценный биологический ресурс, во всяком случае, на ближайшие тридцать минут. Поскольку ждут, поднялся в операционную не в 15.30, а как пришел. Увиденная картина как-то не радовала. Акушеры теребят дряблую матку нездорово-багрового цвета, в сильно отечную бабоньку дышит железный зеленый аппарат, и капает жидкий прозрачный физраствор².

– Э, Петрович, а что это она у тебя цветом на покойника перед выносом похожа? – несмотря на корчившего страшные морды и дергающего головой в сторону сестер наших меньших, то есть акушеров, Петровича, спрашивать я мог что угодно. Потому что а) пока еще являлся источником теплой красной жидкости, содержащей факторы свертывания, б) разгребать это все с момента прихода мне и, при плохом раскладе, первым на допрос к уматному дядьке в темно-синем мундире с блестящими погонами идти тоже мне, в) и вообще, похоже начались взрослые игры. А насчет цвета я не соврал – она была не просто бледной, а бледно-восковой. – Да, и ты кроме воды³ что-то льешь?

– Пусть они кровотечение остановят сначала, – обосновал свою лечебную тактику Петрович.

– До остановки тоже еще дожить надо. Анализы какие?

– Лаборантки нет. Будет в семь.

– Двадцать первый век и высокие технологии... – ну как не прокомментировать нашу рутину?

– Начмед⁴ сказала, что лаборантки будут на месте. – Это меньшие братья по разуму голос подали от операционной раны.

– Тогда ты берешь анализы, – я ткнул пальцем в еще не сменившуюся Петровичевскую анестезистку. – А смена будет переливать кровь. Это я мудро решил покомандовать своим расстрелом. Типа Овод из романа прогрессивной английской писательницы Э. Л. Войнич. Петрович тем временем кратко обрисовывал ситуацию шепотом на ухо: – Там кровавая мазня ночью началась, пришла только утром, сердцебиение у плода отсутствовало, к обеду взяли на стол. Отслойка плаценты⁵ была прикрытая. Потом кровотечение пошло.

– А что матку сразу не вырубали, а ждали почти 2 часа?

– Первая беременность, детей нет. Надеялись сохранить.

² Физраствор, сокращенно от «физиологический раствор» – несмотря на красивое название представляет собой 0,9% водный раствор хлорида натрия, который соль. Поваренная.

³ Все низкомолекулярные растворы на внутреннем языке анестезиологов именуются «водой», иногда с уточнением «сладкой» или «соленой» в зависимости от того, что в этой воде растворено.

⁴ Начмед – заместитель главврача по лечебной работе. По лечебной работе вообще, по лечебной работе в каком-нибудь филиале или по какой-нибудь специальности. Их вообще больше 5% от всех врачей. Больше, чем хирургов, анестезиологов или окулистов. Каждый двадцатый – начальник. Данные получены из журнала «Социальные аспекты здоровья населения» №1 за 2010 год.

⁵ Плохая болезнь. Заканчивается, как правило, гибелью плода, но если не повезет – то и женщины.

Ну да, ну да. Любая попытка сделать из говна конфетку заканчивалась тем, что мы оставались без сладкого. А иногда еще и без органических удобрений.

– Плазму⁶ ставь, теперь я командую. —

Дальше, как можно меньше, гениальности и, как можно больше, стандартных действий. Организовать второй венозный доступ⁷ у пациентки. Согнать свою сестру и акушерку (одну на забор крови из меня, другую на введение моей крови в тетеньку) и закатать рукав, предварительно поинтересовавшись: – А выпить и бабу дадут? Для улучшения реологических свойств донорской крови...

Вследствие активного забора шприцем, вена все-таки спалась через 400 миллилитров, несмотря на пережатие руки жгутом и периодические сжимающие движения кистью, как у заслуженного мастурбатора Российской Федерации. Но бабонька и после этого количества кровушки уже отчасти и местами несколько напоминала живого человека. Да и эти... Представители филогенетически более древней профессии операцию заканчивали. И анализ, взятый до переливания, подъехал. Красивый анализ. Совсем без продуктов свертывания. И почти без гемоглобина и тромбоцитов⁸.

Прооперированной даме было пора слезать с аппаратного дыхания, а слезать она не хотела. И это было плохо. Потому, что сжатый воздух в операционную не подведен и подсасывает его аппарат из окружающей атмосферы, через клапан безопасности. Но что он там сосет тоже выяснить невозможно – датчик кислорода полгода как сгорел (он и должен сгорать – у него принцип работы такой). А монитора вдыхаемо-выдыхаемой смеси просто никогда не было. У частников я без этих девайсов отказался работать и купили. Государственному же учреждению проще купить нового анестезиолога, который об их существовании не подозревает. Но сейчас изменить ситуацию было невозможно. Поэтому продолжаем искусственную вентиляцию, чем есть, неуклонно продвигаясь к закономерному исходу лечебного процесса.

⁶ Плазма – жидкая часть крови без клеток, переливаемая для возмещения продуктов свертывания.

⁷ Этим красивым словосочетанием называется все, что втыкается в вену с целью наливания. Или наоборот выливания, на анализы.

⁸ Общий анализ крови без гемоглобина и тромбоцитов означает, что анализируемый перенес массивное или запредельное кровотечение.

Глава вторая. Рутинная

Меньшие сестры по разуму акушерского происхождения как-то подрассосались из операционной, увидев, что показания измеряемого давления лезут вверх. И чего бы им не лезть? Вводимая магнезия гипотензивным⁹ препаратом не является, углубление наркоза – тоже. А больше ничего не было. Не, я им, конечно, говорил, что появился ампулированный отечественный аналог лабеталола¹⁰, правда, его из общаковских денег покупать надо было. А зачем его покупать из общаковских денег, если это не синтетический аналог простагландина¹¹ (причастные поймут весь цинизм последней фразы)? Оставалось подумать о применении таблеток. Их, благодаря диагональной, а иногда и крестообразной, насечке можно отверткой в жопу вкрутить. Вот поэтому и рассосались. Общаться с командиром роты, оставленной в прикрытие глупо, потому что жив он только формально, а никак не фактически. Правда лично мне еще было любопытно – на каком давлении сосуд в голове лопнет? Ну и еще один вопрос оставался открытым: а в каких, собственно, источниках массовой информации прославлять будут врача-убийцу – только в местечковых или до центральных дойдет?

– Алексей Романович! У нас еще одно экстренное кесарево! Поднимаем!

А жизнь-то налаживалась...

– Вы как это себе видите? Аппарат и операционный стол заняты.

– Ну, уколешь в спину и все. Мы на каталке прооперируем. Ты же говорил, что тебе все равно где работать.

– Мне действительно все равно где работать. Но в медсанбате и спрос как в медсанбате, а не как в роддоме. – Открытым текстом выразил свое отношение к происходящей комедии dell'arte, а глазки девоньки прячут. – Если блок¹² мозаичный? Или высокий? Тогда без аппарата будет уже два трупа, а не один.

– Какой один, ты о чем?

– Вот только дурочками не надо прикидываться...

Повезло, однако. Всем. Прооперировали на каталке. И увезли без моей помощи. К тому же неуправляемо растущее давление уже притормозилось немного. Всего 190 на 110. Тут и начальство слетелось. Поконсультировать. Без его консультаций беда, это любому ясно. Сначала мое, анестезиологическое. Но оно с ценными советами не лезло. А что тут лезть? Люди взрослые, все всем понятно. К тому же и ответить чего-нибудь роняющее авторитет тоже могу. Или на предстоящем допросе на совет сослаться. А потом появилось начальство всеобщее, управляющее нашим территориальным и, по моим ощущениям, злокачественным медицинским образованием. Кстати, позиционирует она себя как кардиолога, поэтому без медсестры, которую отправили снимать ЭКГ, было не обойтись.

– Ну как, не помрет она от инфаркта? – Ласково поинтересовался я у своего самого большого на данной территории начальства. Начальство почему-то ничего не ответило и посмотрело по-доброму.

⁹ Снижающим давление

¹⁰ Один из немногих ампулированных препаратов, разрешенных к применению у беременных в мировой медицине.

¹¹ Физиологически активные вещества. Могут снизить секрецию желудка. А могут повысить сократимость матки с ускорением процесса родов.

¹² Именно так называется зона выключения болевой чувствительности и двигательной активности при регионарной анестезии. При мозаичном блоке не менее мозаично сохраняется болевая чувствительность, а при высоком блоке просто выключается дыхательная мускулатура.

Инсульт¹³ я заметил непонятно как – заметить его у человека в глубоком наркозе и находящемся на искусственной вентиляции легких, в общем-то, весьма затруднительно. А может и никак не заметил, а почувствовал. Просто отметил очередное давление – 240 на 120 мм. рт. ст. – и поднял верхние веки. Анизокория, что тоже означает не красивое женское имя, а зрачки разных размеров. Четко. Значит приплыли. Заодно и давление стало снижаться. Ага. Кровь, являющаяся жидкостью, согласно народной поговорке, дырочку нашла...

¹³ Острое нарушение мозгового кровообращения. В данном случае – из-за лопнувшего в голове сосуда.

Глава третья. Бытописательская

После относительно недолгого (минут всего около сорока) совещания, начальство приняло мудрое решение – эвакуировать на хрен. В головное здание. К неврологам, нейрохирургам и прочим умным специалистам, отягощенным компьютерным и магниторезонансным томографами и аппаратами искусственной вентиляции легких. Человек должен помирать на законных основаниях и, желательно, с подтвержденным диагнозом. Ладно, с организацией эвакуации никто не приставал – у начальства голова большая, мозга много и телефонная книжка в смартфоне толстая. Правда в этом были и негативные стороны – меня как-то проинформировать забыли или не сочли нужным, что тоже верно. Вошедший в операционную командир реанимобильной команды первым делом уставился на цифры артериального давления. Все знают – с низким давлением БИТы¹⁴ могут признать нетранспортабельным, но мы могли не волноваться. У нас все стабильно. 190/100. Правда, не 240/120, что тоже хорошо. «Ты бы зрочки глянул...»: почему-то подумалось мне.

Но гордый представитель славного племени медицинских эвакуаторов заострил внимание на другом. – Так она у вас на ИВЛ? Не повезем. У нас аппарат разобран. Лица начальства, пытающегося наладить эвакуацию проблемы методом «от себя», начали уныло вытягиваться.

– У вас «Карина»¹⁵? – глупо сомневаться, что в машинах «Скорой» стоит аппарат не той марки, которой торговал тогдашний нарком здравоохранения нашего герцогства до вступления на столь высокую должность. – Я соберу... Кислород есть?

– Кислород есть, но один я не поеду. Только в сопровождении вашего анестезиолога, если он такой умный, что аппараты собирать умеет.

Все вопросительно уставились на меня. Ну, да, еще и роддом без анестезиолога оставить. Пусть минут на тридцать, но если именно в эти полчаса что-нибудь смешное случится? Глупо было переживать, тут и так на нормальную и уголовную, и газетную статью набралось, начиная с прямого переливания крови.

– Назад привезете?

– Да без проблем.

– Тогда сначала я спускаюсь и собираю аппарат. Потом поднимаюсь, переносим, вентилируя мешком Амбу¹⁶. Потом в машине подключаем к аппарату и понеслись.

Пацан сказал – пацан сделал. И только в машине я понял, что курточки-то у меня в наличии нет – на работе осталась. Декабрь, знаете ли... После начала поездки в аппарате навернулся клапан подачи кислорода – там контур маятниковый, хитро устроен. Экскурсия грудной клетки есть, но насыщение крови кислородом неуклонно повалилось вниз. Самое время начинать визг «Мы ее теряем!». Но меня в этой жизни чему-то учили неправильно. Руки работали сами – воткнуть дыхательный мешок в бортовую кислородную разводку (бля, и ведь нашел же дырочку!) и начать вентилировать барышню, которая уже не станет мамашей (матка-то того... вырублена) руками. «А ничего показатели стали. С такими еще живут. Хреново, правда, но живут» – времени вертеть головой, особо не было, но фельдшер в машине была ничего. Мой типаж. А еще с мигалкой и сиреной («вау-вау-вау» – видел бы меня мой молодой человек, он же дружище, он же внук, он же плевок генотипом в вечность – от зависти бы описался) быстро ехать понравилось. На красный. Дорогу все уступают. Почти. В одном месте стоявшая на светофоре первой полицейская машина тоже включила мигалку, выехала на пере-

¹⁴ БИТ – бригада интенсивной терапии «Скорой помощи». Теоретически и вообще – реаниматологи с колесами, практически и конкретно у нас – извозчики с реанимационным оборудованием.

¹⁵ «Карина» – транспортный аппарат искусственной вентиляции легких фирмы «Дрегер».

¹⁶ Мешок Амбу – это такая ручная дышалка красивая. В кино часто показывают. Похоже на мяч для регби.

кресток и встала, прикрывая нас от не желающего останавливаться потока слева. За что им большое спасибо. Подъехали к приемному покою, выгрузились сами. Интеллектуально и материально отягощенной гораздо больше нас, чудаков с бугра, кавалерии из-за холмов не видно. Нет, видно. Вот они стоят, группками. Здесь заведующая нашим родильным домиком с начальницей нашего отдельно стоящего филиала, который я про себя и с удовольствием именовал «социальным хосписом». А вот здесь сам любимый ученик главной анестезиологической богини нашего герцогства, он же заведующий тамошней реанимацией и с ним пара, судя по возрасту, ординаторов, один из которых, явно индусской наружности, держит на плече транспортную пневматическую дышалку с кислородным баллоном. «Оксилог» называется. Дальний родственник той самой «Карины», что в машине накрылась точкой приложения гинекологических знаний. А чо это он там с кислородной автоматикой стоит, а я тут воздухом и руками дышу?

– Эй, кришнаит... Ты, ты. Чего тарачишься? Тащи сюда «Оксилог», сатурация¹⁷, наверное, уже на полу.

Индийский ординатор, видимо, согласно канонам древней азиатской культуры, был воспитан в уважении к сединам, импотенции и прочим атрибутам дряхлой старости. Поэтому он послушно двинулся в мою сторону, поудобнее перехватив плечевой ремень достаточно тяжелой оранжевой сумки, но был остановлен своим прямым и непосредственным начальником. Разговора слышно не было, но индеец что-то говорил вполголоса, показывая ладонью в нашу сторону. Его заведующий ласково улыбался и отрицательно качал головой. «Задолбало. Как же меня все это задолбало. Трусость, желание спихнуть и ощущение каждого надутого гондона себя дирижаблем. А потом еще будет переписывание бумажек, заискивание перед местным профессором-экспертом, чье мнение непобедимо, потому что единственно верно...» – и мысли, и будущее было ясным, безоблачным и, в общем-то, predetermined. Бояться было уже нечего, и сдерживаться не хотелось. От слова «совсем».

– Ты что творишь? Мудак! Долбоеб! Я на кислороде сатурацию еле держал! – дышать за пациентку мешком я не переставал. Мастерство не пропешь. Слышно меня было далеко. На весь немаленький холл главной городской неотложки нашего герцогства. Что-то замерли все. До рассвета. Да и хрен с ними.

Закатил каталку в дверь кабинета компьютерной томографии, вдвоем со «скориком» перебрал женщину на стол. Прокричал «Сдал живую!». И решительно отсоединил мешок от коннектора интубационной трубки¹⁸. А потом от души пнул дверь, чтобы открыть. Ну а что, руки-то каталкой заняты. Начальство нашего отдельно стоящего филиала, видимо прислушивающееся к происходящим событиям, еле успело отскочить. Немного пожалел, что не попал ей по лбу. Кстати, а ведь ей хорошо. Она в шубейке. Норковой. Никогда у меня не было норковой шубейки. И не будет. Назад надо возвращаться. Там роддом никем не прикрыт. На крыльце этой гребаной «emergency»¹⁹ я закурил. Демонстративно. Все равно два раза не расстреливают. Немного потрясывало. То ли избыток адреналина, то ли минус двадцать в хирургическом костюмчике – это все-таки немного прохладно.

– Доктор, вы что, на улице курите? Простудитесь, – это врач со скорой подошел сзади.

– Может у вас нельзя в машине курить...

– Вам можно. Наконец-то нашелся человек, который этому... – он качнул головой в сторону здания – сказал, что о нем почти все думают.

¹⁷ Это тоже не красивое женское имя. Это, в данном случае, насыщение крови кислородом.

¹⁸ Интубационная трубка – это такое устройство, которое запикивается в трахею (красиво именуемую в народных сказаниях дыхательным горлом) и через которое и осуществляется искусственная вентиляция легких, аппаратом (в идеале) или руками (потому что чем есть).

¹⁹ Вообще-то, это слово означает среди прочего больницу скорой и неотложной помощи. Именно так автор демонстрирует владение английским и немного подражает пелевинской игре словами.

Не могу сказать, что меня, старого девианта и социопата, сильно порадовала принадлежность к большинству, но в машину я залез. Декабрь же. Доктор разумно предложил мне сесть вперед. И место уважительное, и от симпатичной фельдшерицы подальше. Светловолосые сероглазые барышни любят лихих уланов, а не очкастых ботаников...

Кстати, а в любимом родильном домике меня уже ждала развернутая операционная.

Глава четвертая. Последняя в части

Бог пехоту любит. Во всяком случае, в этот раз. Хотя, насколько я помню, Наполеон считал везучесть одной из характеристик при решении кадровых вопросов. Кровоизлияние было. Но не в вещество мозга, а эпидурально – над твердой мозговой оболочкой. И небольшое, поэтому нашли его только на второй томограмме и вели консервативно, без просверливания головы. Бабонька вылезла с практически отсутствующим неврологическим дефицитом²⁰. И сразу отправилась усыновлять ребенка. Жалобу не писала. Разбор полетов, по неизвестным мне соображениям верхнего мира, решили проводить формально и виновного не назначать. Правда любимый ученик главной анестезиологической богини нашего герцогства и заведующий тамошной реанимацией при поддержке местного профессора-эксперта с единственным верным мнением почему-то проявил недюжинную принципиальность – настаивал на мерах дисциплинарного взыскания за интубацию тонкой трубкой. Хотя это справедливо, «семерка» – трубка не самая толстая и ее просвет забивается всяким внутренним содержимым лучше, чем у «восьмерки», которая в диаметре больше ровно на один миллиметр, но, а что, я ему про отек всего организма вместе с голосовыми связками рассказывать буду? Или про то, что трубки у нас наличествовали только те, которые я принес? Поэтому молча буркнул допущенной в высокие миры и информирующей меня об их решениях заведующей роддомиком: «Что дали – то и сунул. И это... Ты передай красавцу: если увижу его лично – пиз... э-э-э... звиздюлей дам!».

Так я его больше и не увидел. Может, и к счастью. У меня до сих пор репутация человека, выполняющего свои обещания. В результате терок между тамошними и нашими акушера-гинекологами, кто-то брякнул пациентке, что жизнью она обязана роддомовскому анестезиологу (хотя на самом деле, ему просто повезло). А еще этот кто-то выдал пациентке страшную военную тайну про прямое переливание крови. Результатом данной идеологической диверсии был приезд в роддом мужа. С литровым пузырьком вискаря. Если пересчитать соотношение с кровью – получается почти один к двум. Кстати, неплохой коэффициент. Да еще первый раз в жизни...

²⁰ В данном случае – это проявления поражения центральной нервной системы после кровоизлияния.

Часть вторая: о различных видах отваги на пожаре

Глава первая. Об отваге военной

В интернете периодически все, кому не лень, обсуждают стихийные бедствия их предупреждение и ликвидацию последствий. Вот и вспомнилось мое участие мое участие аж в трех их них. Все три бедствия назывались красиво – «пожар». Выглядели, впрочем, тоже. И происходили в лечебных учреждениях, правда, различной ведомственной принадлежности, что, впрочем, не делало их менее красивыми. Мне даже иногда казалось, что за эти три пожара я честно заработал высокую правительственную награду – орден Сутулого трех (по одной за каждый) степеней с закруткой со стороны спины. Полный бант, так сказать. Но не дали. Вот так помру, а на красной бархатной подушке перед гробом и нести почти нечего.

Пожар номер один состоялся в медпункте нашего Гвардейского Краснознаменного ордена Суворова второй степени. Ночью. Я уже вернулся с гор, где проживал в январе в пионерлагере вместе с третьим батальоном, прикрывая город на блокпостах с северо-запада (кстати, именно туда и прорывались потом остатки брошенного всеми полка для эвакуации вертолетами). Игорек, приданный второму батальону, вместе с ним где-то болтался, по-моему, на армяно-азербайджанской границе. Ну а я, с начальником медпункта Васей приступил к исполнению своих, не пойми каких, то ли полицейских, то ли оборонительно-наступательных задач. Ибо комендантская служба не отменяла ничего, в том числе и мобилизационной работы с медикаментами со склада НЗ, которые, в конечном итоге, и не дали нашему маленькому красивому пожару стать большим. Нужно было смотаться почти за 200 км в Кировабад, сдать порцию больных в медсанбат и там же с аптечного склада получить для освежения наших складов НЗ небольшое количество наркотического анальгетика типа «промедол в шприц-тюбиках» в количестве 1 (одного) опечатанного ящика. Вся эта сдача-выдача немного затянулась и мы выехали обратно из Кировабада когда уже начинало темнеть (а что, зима – она и на юге зима). Мы – это я, вроде как старший машины, и водитель санитарного автомобиля УАЗ-452 А (кстати, с трудом пережившего ноябрьско-декабрьские волнения в Кировабаде, ибо его тогда аборигены поджечь пытались с усердием, достойным лучшего применения) Теймураз по кличке Билли, производной от прозвища Билли Джоэл, которое, в свою очередь, являлось производным от грузинского обращения к молодому человеку «биджо» (сука-жизнь, а ведь пойдя в ней все чуть-чуть иначе, и не сорви я в свое время погоны, в августе 08 мог бы поиметь возможность снова увидеться с ним или, судя по пройденному времени, с его сыном, только уже немного по-другому). Водителем Билли был виртуозно-темпераментным, ибо во вверенной ему технике предпочитал использовать только 2 детали: бибикалку и педаль газа. Особенно заметно это было, когда он на новой широкополосной трассе Баку-Тбилиси в районе Евлаха случайно увидел неведомо как залетевший туда мерседес (как теперь понятно – совсем уж старая модель, но в руках горячих кавказских парней он был очень красив и блестящ) с азербайджанскими номерами. Километров 15 Билли героически преследовал его, топя в пол деталь №2 – педаль газа, а когда, разогнав при моем попустительстве, нашу буханку до сотни, он все-таки обогнал преследуемую цель, то от переполнявшего его восторга втопил в рулевую колонку деталь №1 – бибикалку. Еще его отличала готовность к поездкам.

– Лясточка (это ласточка с грузинским акцентом) готов. Поедем, товарищ лейтенант... – и если немного забежать вперед, то лишь на некоторое время после этой поездки и последующего пожара, его слоган немного изменился, – Нэ поедем, товарищ лейтенант. Лясточка пиз... э-э-э... звездой накрылся...

Ну, это я немного сильно отвлекся. Мы выехали обратно из Кировабада, когда уже начало темнеть. Ящик с наркотой лежал в салоне и не напрягал. Совершенно не напрягал, пока, как уже было сказано «лясточка пиз... э-э-э... звездой» не «накрылся». Что-то с проводкой, стартером, да еще и прокладкой головки блока цилиндров. И мы встали. Километров за полста от Кировабада, который ныне Гянджа. Посреди аллеобразной дороги. Меж пирамидальных тополей. В окружении голого, по причине зимы, хлопкового поля (летом мимо этого поля ездить забавно: сидит за столом мордастый приемщик в норковой шапке сверкая золотыми зубами, играет со вторым, не менее мордастым приемщиком в нарды и оба пьют чай из грушеобразных стаканчиков, причем происходит все это в окружении еще пяти или шести сочувствующих, а бабы здоровенные корзины с хлопком к ним подтаскивают и еще чай доливают, когда кончается; очень нравился мне этот обычай). Билли откинул крышку капота, которая находилась в кабине, лихорадочно копался в двигателе и ругался: – Товарищ лейтенант, давай лясточка сожжем нах! Мне родители новую машину купят! Совсем новую! Нэ будет ломаться...

Машины не ездил, ибо вот-вот комендантский час. Тут ящик с наркотой и начал напрягать. Все сильнее и сильнее, пока вдали не показались фары. В такое время ездить могли только вояки. Или совсем наоборот. Но вояки с большей вероятностью, поэтому я лихо выперся на середину дороги и махнул фуражкой. Фары располагались на милицейском УАЗике. Который 469. С места старшего выскочил вованский²¹ старлей (надо сказать, что тогдашняя готовность прийти на помощь своим и следующее из него ощущение того самого «военного братства», несмотря на цвет петлиц и формы, дорогого стоит).

– Ты чего тут стоишь? – задал он хотя и очевидный, но, по-моему, глупый вопрос. Поскольку ситуация к шуткам уже не располагала, пришлось объяснить все серьезно. Про ящик тоже. Он начал чесать репу под фуражкой, ибо сам ехал по весьма неотложным комендантским делам. Поскольку мы уже успели познакомиться, то Серега из Новосибирска бросил чесать репу под фуражкой: – Так, Леш, давай я тебя дерну, если заведетесь – доедете до Мир Башира, тут рядом. Там волгоградский милицейский батальон стоит, переночуете. Я их по рации предупрежу, если через полтора часа не появитесь – вышлют навстречу тревожную группу.

До Мир Баширского блок-поста мы с Билли дотарахтели. А потом вместе с ящиком, уже пешком доковыляли до места дислокации батальона. Опять у своих. После представления комбату, тихо прихлебывавшему шамхорский коньяк вместе с замом и особистом, нас не только покормили остатками ужина и положили спать, но еще и подняли на завтрак. Потом мы снова перли в машину наш опечатанный ящик, потом чинились, потом починились и, наконец, поехали. Проехали еще километров сорок. И к вечеру у Мардакерта встали насмерть. Радовало только, что до блок-поста минского полка ВВ было метров двести. Я вышел покурить. Билли чего ковырял в двигателе, поминая лясточку, лясточкину маму, поджог и покупку нового автомобиля. И тут... Наш полковой командирский УАЗ. С содержимым, то есть с командиром, замполитом, зампотылом и зампотехом. Из дивизии. Описывать гребуки, которые командир навтыкал зампотеху за содержание автомобильной техники и которые слышно было не только мне и обоим водителям, но и вованам-солдатикам с блок-поста, не стоит. Но когда гвардии полковник, два гвардии подполковника, один гвардии майор и один гвардии лейтенант ручками дотолкали машину до блок-поста, его начальник, старый служивый прапорщик смотрел на командира весьма уважительно. Тягач мы ждали в вагончике. Билли спал, я болтал с прапорщиком. Потом ехали, включая на блок-постах свет в кабине. И доехали.

²¹ Вованский – из Внутренних войск МВД СССР, ныне Войска национальной гвардии.

Опечатанный ящик на третьи сутки поездки мы с Билли все-таки доперли до медпункта. И еще минут тридцать колотились в дверь. Пока не открыл слегка поддатый начальник медпункта вообще и меня в частности Вася.

– О! – обрадовался он. – А мы думали вам пиз... э-э-э... звиздец пришел. Завтра собирались ехать искать по трассе. Если жрать хотите, в столовой расход стоит.

Расходом были полведра вареной рыбы и ведро чая. Устали мы так, что было не до рыбы. Схлебав по кружке чуть теплого чая, я и Билли двинулись в опочивальню (поскольку в кадрированном полку, развернутом «по причине сложной внутривойсковой обстановки в неспокойном регионе» до штатов военного времени трамбовали кого куда могли, мы в тот момент жили с солдатами в медпункте постройки времен Александра I, а поскольку хотя и Кавказ, но зима – то и спали все вместе в одной из немногих отапливаемых комнат). Соляровая капельница-буржуйка тепла сильно много не давала, но и околеть было сложно. Ибо +10—12 по Цельсию – оно для военного человека здорово. Я еще курил, читал пришедшее из дома письмо, снова курил. Лег уже ближе к трем ночи. И вдруг... Почувствовал, что мне тепло и было слышно какое-то непонятное гудение. Глаза открывать не хотелось. Совсем не хотелось, но, почему-то, открыл. Гудело стоящее до потолка пламя.

– Вася, сука, подъем, звиздаускас! – Нам тогда казалось, что у северного пушного зверька именно литовская кличка. Я стоял уже в штанах типа «бриджи» и, почему-то, в одном сапоге. Билли в трусах в цветочек, расстегнутом кителе и зимней шапке, но босиком пронесся в столовую. Пока личный состав, вскочив, очумело крутил головами я стаскивал лежащего рядом с печкой фельшера Вадика. Просыпаться он не желал категорически, потому, что было тепло. Аж одеяло местами дымилось.

– Блять, тревога! Личному составу строиться во дворе! – несмотря на поддатость, подал голос Вася, привнеся во всеобщую очумелость элементы воинской дисциплины. Личный состав ломанулся выполнять команду, а навстречу ему несся Билли в прежнем одеянии, но с ведром теплого чая.

– Лить? – Проорал он мне, видимо по привычке считая меня старшим машины.

– Соляра... пары... вроде взорваться не должно... – быстро мелькало в голове.

– Херачь, Билли! – проорал я ему.

И он захерачил. Пламя резко опало. А тут Вася, в сапогах, шинели и кальсонах набросил на него 2 матраса и вылез в окно. Мы с Билли дотоптали остатки. Потом погнали бойцов с ведрами за водой на кухню и пролили пол и стены. Потом Билли нашел остатки своих щегольских сапог с литой подошвой, которые он купил в военторге за 21 рубль. Пока личный состав пересчитывался, была установлена причина – Вадик, сцуко, при заправке бачка пролил на песок, насыпанный вокруг печки, соляру. Вот она первой и загорелась. Тут принесся старшина Дима Колупаев по прозвищу «директор».

– Товарищ лейтёнант! Вадика нет... – Дима был из Витебска, поэтому описание белорусского акцента вполне допустимо

– А он совсем сгореть не мог? – подал голос из окна Вася. – Идите вы на хер товарищ лейтенант... – возразил я своему прямому и непосредственному начальству, и тут же директору. – Искать, бля. Иска-а-ать!

Вадика нашли через двадцать минут. Под своим, местами прожженным, но еще теплым одеялом, он спал в перевязочной.

– Сейчас ему приснится хороший сон... – бормотал я себе под нос тихо приближаясь к нашему фершалу.

– Товарищ лейтёнант! Нэ надо! Вы ему чого-нибудь сломаете! Ви его убьете! Вас к особисту вызовут! Давайте ми сами! – вопили висевшие на мне директор с Билли...

Поскольку происшествие нам скрыть от командования удалось, то первый орден Сутого III степени с закрткой со стороны спины пролетел мимо.

Глава вторая. Об отваге реанимационной

Было это достаточно давно, поэтому пролетевшая мимо груди героя честно заработанная платиновая звезда с бриллиантами ордена Сутулого II степени горечи разочарования от несправедливости уже не вызывает. Ну, что, любимая ситуация любого эффективного менеджера от медицины – ремонт и строители. Горел строительный мусор на вечно закрытой запасной лестнице. Уровень второго этажа. Дым вверх, на третий, где, собственно, и располагалась пара торакальных²² отделений, реанимация и опер блок. Только дым, но его было много. Как человек, вынужденно изучавший поражающие факторы пожара во многих условиях, включая подводные лодки, я подозревал, что дым и есть самое страшное и от него и гибнет большинство, еще до получения поражения от открытого пламени. Я, собственно, и высунулся из реанимации полюбопытствовать – и чой-то за шум в коридоре, потому как до нас дымок еще не допер? Увиденное сильно напоминало картину «Атака мотострелкового батальона под прикрытием дымовой завесы» – выползающие откуда-то клубы дыма (понятно, что хотя еще что-то и видно, но это совсем скоро пройдет) и присовокупленные к этому хаотично-бестолковые метания пациентов, ухаживающих и наличествующих медсестер (заведующе-врачебный персонал практически в полном составе в это время ножом махал в операционной). Начальства в пределах видимости не наблюдалось, несмотря на отсутствие дефицита в данных персоналиях (главнюк и туева хуча замов – по лечебной, организационно-методической, поликлинической, клинико-экспертной, административно-хозяйственной, кадровой и даже научной работе). Ну, вот не было. Все это зрелище – дым плюс метания – вызывали в памяти древнюю военную мудрость о том, что бегущий полковник в мирное время вызывает смех, а в военное – панику. К тому же у любого человека мужеска пола, прикосновение хоть чуть-чуть к военному образованию, даже если это была сержантская учебка, оставляет неизгладимый отпечаток и на психике, и в рефлексах (всегда подозревал, что чип подсаживают в филогенетически²³ древние структуры головного мозга, например в продолговатый мозг²⁴, используя секретные технологии). А дым все прибывал...

– Эта... Бля... Слушай мою команду... – честное слово оно само вырвалось и даже соответствующие интонации прорезались. Граждане на несколько мгновений замерли, символизируя собой скульптурную композицию «Последний день Помпеи». Видимо, вследствие услышания то ли неопределенного артикля, то ли интонаций человека, имеющего право командовать. «Ёпть, ну кто ж тебя за язык тянул» – обратился я мысленно к своему подсознанию, – «Ну давай, пиз... э-э-э... говори дальше...».

– Медсестрам вывести больных из стационара и построить, провести переключку, ухаживающие рядом... – встроенный чип заработал по полной, раз появились волшебные слова «построить» и «переключка»; затем, углядев одну из самых сообразительных, правда, несколько... э-э-э... легкомысленных сестер. – Ты... бля («бля» – это была не констатация факта, а опять-таки неопределенный артикль усугубленный скудостью лексического запаса, все как у корреспондента из передачи про происшествия нашей местечковой телекомпании) ... Ко мне! По пути заскочишь на второй к «животным» («животные» – это отделение абдоминальной хирургии, в котором оперировали все, что в животе), скажешь, чтобы делали тоже самое... Потом обратно... Всех неходячих и херово ходячих с плевральными дренажами²⁵ – пережать

²² Торакальный – относящийся к грудной клетке. Следовательно, в торакальных отделения лечат больные органы, расположенные там же.

²³ Филогенетика – мудреная наука, изучающая историческое развитие живых организмов.

²⁴ Продолговатый мозг – формируется уже у эмбриона, регулирует основные процессы жизнедеятельности.

²⁵ Плевральные дренажи – трубки в грудной клетке, оставляют (не навсегда) после операции. Не должны непосредственно контактировать с окружающей атмосферой, во избежание активного поступления воздуха в грудную клетку они могут быть

и ко мне. Место шаз-з будет... А потом выдал для ускорения уже почти глубинно-потаенное: – Сто-о-ять! Еще потом сравнишь переведенных ко мне с общим списком, посмотришь, всех ли вывели... Бегом, бля-а-а!

Ну, здесь порядок вроде бы наведен (кстати, если забежать немного вперед, то следует отметить, что получив команду на эвакуацию, народ побрел его безропотно выполнять, а глядя на них и «животные» больные со второго этажа молча присоединились), надо бы и о своих подумать... Тут все просто – 6 человек, на ИВЛ²⁶ никого. Кстати, об ИВЛ... А знание матчасти?: – Так, сейчас отрубят электричество, вырубятся отсосы... Ты – переводы всех больных на пассивную аспирацию²⁷... Ты – вместе с санитаркой перекачивай всех больных в одну половину палаты, нас сейчас уплотнять будут. Потом стулья со всех мест, где найдешь вдоль коридора. Сообразительная, но легкомысленная торакальная медсестра аки трепетная лань принеслась вся в слезах и соплях через 10 минут: – Алексей Романови-и-ич... Петрова нигде нет...

К этому времени неходячие на кроватях с колесиками были закатаны в палату, хреново ходячие были хоть и хреново, но рассажены вдоль коридора, плевральные дренажи были переведены на пассив, санитарка готовилась к укупорке щелей под дверью мокрыми тряпками, а я обдумывал свою командирскую думу о том, что делать дальше, если дым не кончится...

– Чего реवेशь, дура? – ласково обратился я к осопливленной. – Пошли, поищем...

Я к тому времени спи... э-э-э... своровал на выставке фонарик-ручку (а не давайте без нужды чемодан скорой помощи немецкого происхождения смотреть!), поэтому, чем подсветить было – без фонаря в палатах уже ничего видно не было.

– Хоть маску наденьте... – захныкала сзади сообразительная медсестра, напяливая на лицо вторую, намоченную водой из-под крана маску.

– Нах... – гордо ответил я и пошагал впереди. Надо сказать, моя смелость произвела впечатление на окружающих особей женского пола и вызвала рост моего авторитета в их глазах, чем потом приходилось иногда беззастенчиво пользоваться. На самом деле – никакой храбрости. Всего лишь знание, что от угарного газа маска не поможет. Да и противогаз не поможет. Только гопкалитовый патрон или изолирующее дыхательное устройство. Поэтому я решил на всякий случай считать про себя до трехсот, а потом сваливать, независимо от результата. Но пробежать по палатам мы успели быстрее. Поцеент не нашелся (если опять забежать немного вперед, то потом выяснилось, что Петров воспользовался внезапной свободой и удрал в магазин за водкой – я думаю, что правильно сделал). Пожарные появились достаточно быстро, и чего-то ковырялись на горячей лестнице – это я разглядывал уже с балкона ординаторской. Благодаря заткнутым тряпками щелям, дымом почти не пахло, но херово ходячие херово и молча сидели вдоль коридора со скорбным видом, словно в очереди в газовую камеру...

Потом все завертелось быстрее. Попер народ из операционной и рассказал, как они 40 минут отсутствия электричества дышали руками, хотя это были их проблемы – у меня был свой окоп. Потом открыли все окна, и дым начало вытягивать. Потом, наконец, разогнали по палатам приписной личный состав. А мы разглядывали с нашего балкона, распивая при этом коньяк и покуривая сигареты, как бледный главчик и красный зам по АХЧ, согнувшись, брели по двору за каким-то пожарным подполковником.

– Интересно, им жопы уже полностью развалыцевали или еще не совсем? – озвучил кто-то (на всякий случай не скажу кто) интересовавший всех вопрос...

опущены в банку с жидкостью, соединены с отсосом (в хорошем, механическом смысле этого слова) или пережаты. Иначе – поджатие легкого. Иногда смерть.

²⁶ ИВЛ – искусственная вентиляция легких. Дыхание железным аппаратом.

²⁷ Это и есть упомянутая несколько выше банка с жидкостью.

Глава третья. Об отваге акушерской

Кстати, о гениальности: перед реализацией остатков отпуска в прелюбопытном диалоге поучаствовал. С прикомандированной на время ремонта их больницы к нам в неотложку докторшей. Моя анестезистка на обезболивании какой-то мелочи спросила: – Алексей Романович, что набирать? Докторша, услышав это и сказала: – Ой, так это вы, Алексей Романович? А мне у нас говорили, что когда пойду в эту больницу с вами встречусь. Сказали, что вы грамотный анестезиолог.

– Но сволочь редкая! – продолжил я.

– Я этого не говорила... – испуганно возразила докторша.

– Да ладно вам. В моем возрасте такой характеристикой гордятся. – Успокоил я ее, а потом немного помолчал и грустно продолжил, – Да и грамотный – это только потому, что сравнивать не с кем.

Хотя отвлекаюсь от основной (не в смысле basic, а в смысле original) темы повествования. О происшествии в роддоме я узнал самым вторым. Ибо случись любая херь, как начинаются проявления гендерного шовинизма – мужика зовут. А из счастливых обладателей так называемых «яиц» на тот момент наличествовал только я. Опять в сторону вспомнилось, как пациентка из нашего местечкового гламура, телеведущая чего-то женского, задумчиво засмотрелась в открытую по случаю жары палату реанимации, где на койке, широко раскинувшись, одиноко отдыхал залетный и исхудалый опосля запоя алкоголик с тяжелой пневмонией.

– Вы хотите сказать, что голых мужичков никогда не видели? – заинтересовался я этим вопросом по причине врожденной любознательности.

– Да нет, видела... – ответила она, задумавшись, – Но этот какой-то... Плохонький...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.